

Поляков Дмитрий.

«Микрофизика власти»

Мишеля Фуко в теории постанархизма

2018, источник: [здесь](#)

Исследователям жизни и творчества М. Фуко известно, что политические взгляды этого мыслителя невозможно свести к каким-либо однозначным определениям, хотя в своей общественной деятельности Фуко и приходилось сотрудничать с движениями левого толка. Незадолго до смерти об этом говорил и сам Фуко, побывавший, по его словам,

“ «на большинстве клеток политической шахматной доски последовательно, а иногда и одновременно: анархист, левый, открытый или замаскированный марксист, нигилист, явный или скрытый антимарксист, технократ на службе у Шарля де Голля, новый либерал и т.д. <...> В действительности я предпочитаю никак не идентифицировать себя, и я удивлён разнообразием оценок и классификаций» [8, с. 427].

Однако от такого признания интеллектуальные достижения Фуко не перестали быть теоретическим инструментом обоснования самых разных социально-политических программ, от умеренных до радикальных. Среди последних – теория постанархизма, представляющая собой синтез идей классического анархизма с идеями постструктурализма, постмодернизма, деконструктивизма и т.п. При этом теоретики постанархизма, как правило, всегда оговариваются, что имеют дело лишь с выделяемой ими самими анархистской «траекторией» мышления Фуко, а не с Фуко-анархистом, которым он никогда не был.

Первым теоретиком постанархизма, поставившим вопрос об анархичности постструктуралистской политической мысли, считается американский философ Т. Мэй. Для его рецепции идей Фуко одним из исходных пунктов является отрицание юридического определения власти, фокусирующегося на институтах государства и права. Это определение французский мыслитель считал неактуальным и даже чуждым

«тем новым приёмам власти, которые функционируют не на праве, а на технике, не на законе, а на нормализации, не на наказании, а на контроле, и которые отправляются на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за границы государства и его аппаратов» [4, с. 189].

Такое определение, согласно Мэю, представляет собой не только эпистемологическую, но и политическую проблему, поскольку то, что мы якобы знаем о власти, есть лишь продукт отношений власти: не мы конституируем это знание, а знание конституирует нас. Отсюда сформулирована Фуко связка «власть-знание», которая, по словам Мэя,

“ «делает очевидным, что большая часть того, что имеется в ключевых областях знаний в нашей культуре, неотделимо от отношений власти, которые эти знания укрепляют» [13, с. 73].

Собственно постанархистскими Мэй считает следующие размышления Фуко о современной власти. Во-первых, она исходит из множества точек и осуществляется в игре динамичных отношений неравенства. Во-вторых, отношения власти не сосредоточены где-либо вовне других типов отношений. В-третьих, не существует глобальной бинарной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют. В-четвёртых, отношения власти интенциональны и вместе с тем бессубъектны. Это последнее суждение Мэй трактует как «возможность угнетения без угнетателя»:

“ «Поскольку власть – это не просто вопрос того, что А делает с Б, но, возможно, и вопрос о том, кем становится А благодаря практикам, в которых он задействован, тогда вероятно, что А может быть угнетён и без существования Б» [12, с. 14].

Также Мэй отмечает, и с этим можно согласиться, что использование Фуко термина «интенциональный» является не совсем удачным, т.к. в соответствии с феноменологией подразумевает наличие «направленности» некоего сознания.

Помимо указанных размышлений, важным для современной анархистской мысли оказывается и отказ Фуко от априорного представления об исключительно подавляющем, репрессивном характере власти – представления, которое определяет облик классического анархизма. Продуктивность власти, её креативность в созидании повседневных практик, а также включённость во всевозможные типы отношений ставит под вопрос возможность реального сопротивления, которое при данном подходе оказывается опосредованным властью так же, как и её конкретные институциональные формы.

“ «В конце концов, – задаётся вопросом Мэй, – если отношения власти повсеместны и повсеместно же создают нас, то во имя чего происходит политическое сопротивление?» [12, с. 14].

В поисках ответа Мэй обращается к постструктуралистскому антигуманизму, как попытке определить, ради чего сопротивление не должно осуществляться – к антигуманизму, который нередко ставили в упрёк Фуко, но который лишь подвергает сомнению абсолютный приоритет субъекта в созидании собственной сущности, о чём говорили экзистенциалисты. Мэй также связывает антигуманизм с отрицанием самого понятия человеческой сущности и природы – ещё одного представления, характеризующего традиционный анархизм в качестве «гуманистического натурализма». Такой эссенциалистский подход, источником которого является социально-философская мысль эпохи Просвещения, при своей реализации служил бы скорее очередному подавлению, нежели освобождению, поскольку предполагал бы императивную норму поведения и образа жизни в соответствии с «благой человеческой природой». Таким образом, гуманистическая, эссенциалистская телеология сопротивления должна быть отброшена во избежание потенциальной реставрации практик господства.

Как утверждает Мэй, новый тип анархизма, отталкиваясь от работ Фуко и других постструктуралистов, разделяет

“ «идеи пересекающихся и неизбежных локальных сражений, настороженности по отношению к репрезентации, идею политического как включённости всего пространства общественных отношений, а социального как сети, а не как замкнутого холизма, концентрического поля или иерархии» [13, с. 85].

Подобная стратегия предполагает и соответствующую тактику, которая выражается в том, что человеческая субъективность, даже будучи зависящей от формирующихся властью практик, способна изменяться и даже отменяться посредством появления новых практик. Эти последние также опосредованы отношениями власти, однако конституирование ими субъекта не является окончательной детерминацией поведения и образа жизни.

“ «Эти практики, – пишет Мэй, – не могут исходить из субъекта в качестве акта субъективной воли, но они могут исходить от людей, вписывающих свои действия в случайную сеть исторических событий и институтов» [13, с. 79].

Для конкретизации подобных действий Мэй в последующем обращается к концепции равенства современного французского мыслителя Ж. Рансьера, отмечая необходимость анархистской интерпретации его работ и трудов Фуко для формулирования более чёткого плана антиавторитарных политических действий.

Предполагаемая и предлагаемая теорией Т. Мэя изменчивость субъективности отсылает к концепциям «анархии субъекта» и «анархии становления», сформулированным другим теоретиком постанархизма Л. Коллом в процессе интерпретации идей Ф. Ницше. Что же касается Фуко, то, отталкиваясь от полемики с Р. Рорти, Колл ставит своей задачей показать анархический подтекст его (Фуко) философского мышления. Оговариваясь, что навешивание на Фуко ярлыка анархиста или даже постмодерниста было бы «теоретической

непристойностью», Колл указывает, что тип анархизма, подразумеваемый идеями Фуко (а именно постмодернистский анархизм), категорически отказывается превращаться в тотализирующую теорию:

“ «Для мышления Фуко заявление “я анархист” было бы невозможным, поскольку такая тотализирующая формулировка сразу лишила бы возможности непрерывного, неограниченного, подвижного анархического дискурса» [11, с. 65].

Как и в случае с Ницше, значимость идей Фуко определяется Коллом через критику гуманистического субъекта, оформившегося в западной науке на основе просвещенческого рационализма. Главным оружием Фуко в подрыве такой субъективности выступают микрополитика и генеалогический метод. Микрополитика подразумевает включённость власти во все аспекты социальных отношений, её «капиллярный» характер. Для постмодернистского анархизма микрополитика значима, прежде всего, тем, что предполагает точно такую же «капиллярность» сопротивления. Генеалогия, опять же заимствованная у Ницше, используется Фуко для того,

“ «чтобы привести в беспорядок, фрагментировать некоторые “истины”, которые, пожалуй, ещё глубже укоренились в нашей современной интеллектуальной культуре, чем христианские ценности, к которым настолько враждебен был Ницше» [11, с. 66].

Перформативный аспект такого метода заключается в том, чтобы показать другую сторону привычных нам вещей, поскольку

“ «когда мы демонстрируем возможность другого порядка, мы уже что-то изменили в существующем порядке вещей» [11, с. 66].

Генеалогия подрывает субъект Просвещения и его лингвистические практики, включающие и политический язык, открывая таким образом дискурсивное пространство, в котором возможно новое мышление, определяемое Коллом как постмодернистский анархизм.

Интересной представляется параллель, проводимая Коллом от антиинтеллектуализма М. А. Бакунина к фукольдианскому скептицизму по отношению к различным типам научной рациональности XX века. Разница заключается в том, что бакунинская критика неизбежно для своего времени ограничивается атаками на политические притязания науки, на её роль в оправдании государства и капитализма. Постструктурализм же в лице Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида и других расширяет эту критику на рационалистическую семиотику и лингвистику, лежащие в основе современной науки. Однако вместе с тем,

“ «как и его классический предшественник, постмодернистский анархизм не обязательно отбрасывает категорию научной мысли вообще, а скорее ищет способы обособиться и противостоять тем формам научного мышления,

которые каким-либо образом способствуют политическому угнетению» [11, с. 69].

Важным в данном случае оказывается сформулированное Ж. Делёзом различие между т.н. «королевской наукой», занимающейся поиском неизменных констант и законов (в т.ч. законов в области социальных связей) для легитимации государственной власти, и наукой «номадической», непрерывно вариативной, подвижной и противостоящей каким-либо тоталитарным дискурсам. К первому типу науки Колл относит, в частности, марксизм,

“ «поскольку никто не стремится к всеобщему историческому закону больше, чем марксисты, и ничто не является более статичным, чем социалистическая утопия, ожидающая нас, предположительно, в конце истории» [11, с. 69].

Критика Бакунина, утверждает Колл, ещё остаётся в пределах «королевской науки» из-за её бинарной модели, выражающейся в логике «или-или».

“ «Или буржуазно-образованный мир должен укротить и поработить бунтующую народную стихию..., – писал классик русского анархизма, – или же рабочие массы сбросят с себя окончательно ненавистное многовековое иго, разрушат в корне буржуазную эксплуатацию и основанную на ней буржуазную цивилизацию» [1, с. 482].

Такой подход, как справедливо отмечают теоретики постанархизма, не отвечает современным политическим реалиям, почти всегда гораздо более сложным, чтобы уместиться в эту во многом редуccionистскую двоичную логику. Кроме того, такая логика сама по себе включена в этатистский дискурс.

“ «Государство, – пишет Колл, – остаётся одной из доминирующих политических фигур современного мира во многом потому, что этатистская мысль способна наметить политическое пространство, в котором всякое мышление обращается к самому государству. Это та ловушка, в которую попадают традиционные анархисты вроде Бакунина» [11, с. 70].

Новый же анархизм, вслед за Фуко, должен учитывать микрофизику и «капиллярность» власти, которая только и делает возможным сопротивление. Как и Т. Мэй, Колл задаётся вопросом о возможности политического сопротивления, лишённого знамени гуманистического субъекта после провозглашённой постмодерном «смерти человека». Ответ он находит у того же Фуко в тактической серии «микровосстаний». Как писал французский мыслитель,

“ «существует множество различных сопротивлений, каждое из которых представляет собой особый случай: сопротивления возможные, необходимые, невероятные, спонтанные, дикие, одинокие, согласованные, ползучие, неистовые, непримиримые или готовые к соглашению, корыстные

или жертвенные» [4, с. 196].

Иначе говоря, конкретное сопротивление должно осуществляться в соответствии с контекстом, как ответ на конкретную ситуацию.

Особое внимание Колл уделяет проблематике дисциплинарной власти, изложенной Фуко в книге «Надзирать и наказывать», где история становления института тюрьмы сопряжена с генеалогией формирования своеобразного типа субъективности – «делинквентности». Сформированный специфическими технологиями власти, именно делинквент становится гарантом дисциплинарных практик политической системы, мотивируя политиков говорить о необходимости усиления правопорядка:

“ «о чём никогда не говорилось (до генеалогии), – отмечает Колл, – так это о том, что делинквентность в первую очередь была создана данной системой как тактика, благодаря которой система могла бы себя оправдать» [11, с. 80].

Исследования Фуко, с одной стороны, дают анархистам возможность углубить критику уголовного дискурса и пенитенциарной системы в целом, с другой же – усмотреть в повседневной жизни элементы «паноптизма» или «всеподназорности».

“ «Субъект современного дисциплинарного общества, который автоматически сбавляет скорость, когда об этом ему говорит радар, очень далёк от автономного картезианского Я. Скорее, он непрерывно конституируется в качестве субъекта, по-видимому, бесконечным разнообразием дисциплинарных практик» [11, с. 81].

На обозначенную выше проблему отсутствия чётко выраженной альтернативы в текстах Фуко указывает и Колл, отмечая в его работах лишь два потенциальных образа сопротивления, которые так или иначе связаны с феноменом трансгрессии. Во-первых, это «лиризм маргинальности», который, по словам Фуко,

“ «может черпать вдохновение в образе “человека вне закона”, великого социального кочевника, рыщущего на задворках послушного, напуганного порядка» [7, с. 401].

В трактовке Колла образ такого человека не представляет собой модель желаемого социального порядка, а отсылает к возможности иного дискурса, подрывающего господствующий рационалистический и этатистский дискурс нашей культуры как аномалия и различие в противовес нормализации и унификации. Соответственно, эту политическую трансгрессию дополняет трансгрессия говорящего субъекта, сопряжённая с образом безумия (или даже наркотического трипа) и по определению выходящая за пределы рационалистического дискурса, описывающего status quo современного политического порядка как единственно возможная, неоспоримая реальность. Все эти образы, однако, не

удовлетворяют потребностей в создании альтернативного жизнеспособного общества.

“ «Без теоретического вокабуляра, который могла бы предложить такая альтернативная система мысли, – заключает Колл, – проект постмодернистского анархизма остаётся в том же неудачном положении, которое характеризует многие радикальные теории XX века. Короче говоря, это проект с вопросами, но без ответов, с критикой, но без вариантов» [11, с. 85].

В дальнейшем Колл обращается к философии Ж. Бодрийяра, а также творчеству писателей-фантастов У. Гибсона и Б. Стерлинга.

Анализ идей Фуко с постанархистских позиций продолжает и С. Ньюмен, усматривающий связь между мышлением французского философа с анархо-индивидуалистической теорией М. Штирнера. Последний ещё в середине XIX в. подверг критике те универсальные понятия и системы понятий, которые Ж.-Ф. Лиотар определял как «метанарративы». Кроме того, в идеях Штирнера обнаруживаются истоки фукольдианской микрофизики власти, а также критика рационализма и гуманизма, аналогичная той, которая характерна для всей постструктуралистской мысли. В целом обозначив и проанализировав те же аспекты философии Фуко, которые стали центральными для Т. Мэя и Л. Колла (антигуманизм, дисциплина, власть-знание и др.), Ньюмен несколько иначе интерпретирует стратегии сопротивления власти и, в частности, трансгрессию.

Если для Колла фукольдианская трансгрессия подразумевала окончательное преодоление рационалистического этатистского дискурса (как социальная революция для анархистов), то для Ньюмена она имеет свойство непрерывности. Так же, как сопротивление в конечном счёте стимулируется властью, так и трансгрессия возможна лишь тогда, когда имеет место некий предел:

“ «Трансгрессия может быть только эфемерной: она выгорает, как только переходит предел и существует лишь постольку, поскольку сам этот предел существует <...> Другими словами, трансгрессия у Фуко является постоянным преодолением, трансгрессией трансгрессии» [14, с. 90].

Такая трактовка оказывается созвучной идее Штирнера о своеобразии личности, подразумевающей возможность избегать однозначных определений и категорий, конструируя свою самость в целях сопротивления власти.

“ «Как и Штирнер, Фуко считал, что поскольку субъективация стала возможной лишь благодаря нашей готовности подчиняться ей, освобождение должно начинаться с нас самих <...> Акцент делается на становлении и постоянном движении, а не на достижении идентичности. Человек может быть вовлечён в анархизм субъективности – а не анархизм, основанный на субъективности» [14, с. 91],

– заключает Ньюмен и делает вывод о том, что мысль Фуко смещает акценты в классической анархистской теории социального освобождения, рассматривая это освобождение как потенциальную реставрацию господства, основанного на представлениях о человеческой природе. И вновь, как и в случае с другими теоретиками постанархизма, Ньюмен усматривает у Фуко недостаточную обоснованность и конкретизацию практик сопротивления, объясняя это тем, что верный своей «неангажированности» французский мыслитель, возможно, хотел оставить пространство для дискуссий.

Таким образом, постанархистская рецепция идей М. Фуко сосредоточена преимущественно на анализе власти, функционирующей не только и не столько посредством конкретных институтов, но через повседневные практики сформированных ею же субъектов. Несмотря на недостаток отчётливых формулировок способов политического сопротивления (а, быть может, благодаря этому недостатку), Фуко стимулирует современный анархизм к их дальнейшему поиску в трудах других социальных мыслителей или в практиках освободительных движений. Можно сказать, что именно работы Фуко стали катализатором возникновения постанархизма как теоретического направления в силу переосмысления концептов власти, субъективности, сопротивления и т.п.

Влияние работ Фуко на современную философию, как и конкретно на политическую мысль вряд ли можно переоценить. Наличие разнообразных трактовок и попыток систематизации, критики и апологии его идей демонстрирует не только их значимость для анализа эпохи «пост-современности», но и интерес к фигуре мыслителя, так скрупулёзно изучавшего власть и вместе с тем избегавшего выносить принципиальные, общие суждения по политическим вопросам. Однако то, что его работы до известной степени обогащают собой философию анархизма – философию радикального и более чем принципиального отношения к власти, – скорее всего, не стало бы для Фуко неприятным сюрпризом. Свои книги он уподоблял особым ящичкам с инструментами:

“ «Если кто-то захочет открыть ящичек и извлечь какую-нибудь фразу, мысль или какой-нибудь анализ и воспользоваться ими как отвёрткой, чтобы закоротить, вывести из строя системы власти <...> что ж, я буду рад» [9, с. 259–260].

Литература

Бакунин, М.А. Избранные труды / М.А. Бакунин. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 816 с.

Делёз, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз. – Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. – 895, [1] с.

Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – Москва: Касталь, 1996. – 448 с.

Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – Москва: Праксис, 2002. – 384 с.

Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – Москва: Праксис, 2006. Ч. 3. – 320 с.

Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с.

Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 448 с.

Штирнер, М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 464 с.

Эрибон, Д. Мишель Фуко / Д. Эрибон. – Москва: Молодая гвардия, 2008. – 378 [6] с.

Call, L. Postmodern Anarchism / L. Call. – Lanham, Lexington Books, 2002. – 159 p.

May, T. Anarchism from Foucault to Rancière / T. May // Contemporary Anarchist Studies: An introductory anthology of anarchy in the academy. – New York, Routledge, 2009. – pp. 11–17.

May, T. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism / T. May. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. – 165 p.

Newman, S. From Bakunin to Lacan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power/ S. Newman. – Lanham, Lexington Books, 2001. – 197 p.

Статья впервые опубликована в журнале «Интеллект. Инновации. Инвестиции», №4, 2018.

Версия #1

Зверобой создал 25 мая 2025 05:14:19

Зверобой обновил 25 мая 2025 05:17:29